УДК 343.3

*Н.О. Машинникова***ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЧАСТИ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В СТАТЬИ 314 И 316 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье автор рассматривает упрощённые процедуры судопроизводства с точки зрения их соответствия основным принципам уголовного судопроизводства, закреплённым в УПК РФ. Делается вывод о том, что гонка за экономической эффективностью любого государственного процесса не обошла стороной и судопроизводство. Это стало причиной того, что правосудие как служение переродилось в государственную услугу по судопроизводству, что в свою очередь повлекло за собой снижение его качества, которое, по мнению автора, выражается не столько в отсутствии «отмен», сколько в его несоответствии принципам и назначению, закреплённым в УПК РФ. Приветствуя инициативу Пленума Верховного Суда РФ о необходимости принятия мер к снижению абсолютного числа уголовных дел, рассматриваемых в упрощённых процедурах, автор статьи не согласен со способом решения проблемы. По его мнению, изменения, предложенные Верховным Судом РФ, нарушают права обвиняемых на защиту и противоречат статье 55 Конституции РФ. Автором представлено собственное предложение об изменении УПК РФ в этой части с приведением необходимого обоснования.

Ключевые слова: особый порядок уголовного судопроизводства, общий порядок, усмотрение, упрощённые процедуры, право на защиту, тяжкие преступления, эффективность правосудия.

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-6-877-884

Концепция дифференцированного подхода к формам уголовного судопроизводства является предметом длительного обсуждения в юридическом сообществе и основывается на идее разумного компромисса в уголовном процессе. При формировании уголовной политики – разработке Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и внесении в него последующих изменений законодатель выбрал путь усиления диспозитивного начала в уголовном процессе, что подразумевает свободное распоряжение сторонами своими процессуальными правами, и поставил тем самым результат судебного разбирательства в зависимость от позиции, добросовестности и волеизъявления сторон по делу. При этом предполагалось, и это следует из самого названия соответствующих глав УПК РФ (гл. 40 и 40.1), что применение «особого» порядка рассмотрения уголовных дел будет являться исключением из общего порядка и возможность его применения должна определяться рядом обязательных условий. Это связано с тем, что особый порядок судопроизводства по уголовному делу заранее предопределяет его содержание и результат, что само по себе является неприемлемым в силу ст. 118 Конституции РФ и ст. 8 УПК РФ. Однако в настоящее время посредством упрощённых процедур судопроизводства в Российской Федерации рассматривается уже более 70 %¹ всех уголовных дел, что в свою очередь сделало исключением рассмотрение уголовных дел с проведением полного судебного следствия. Появление особого порядка рассмотрения уголовного дела в российском уголовном процессе обусловлено реализацией принципа состязательности, при котором отсутствие спора по фактическим обстоятельствам подразумевает и отсутствие самого «состязания». Признание обвиняемым своей вины и выбор упрощённой формы судопроизводства освобождает орган предварительного следствия либо дознания от полной проверки всех обстоятельств дела. К сожалению, такая реализация принципа состязательности привела к тотальному снижению качества работы органов дознания предварительного следствия, которую еще усугубил тот факт, что в 2013 г. была введена в действие гл. 32.1 УПК РФ, которая предусматривает возможность проведения дознания в сокращённой форме. Искажение смысла понятия правосудия и его смещение со «служения» в область «предоставление государственных услуг» обуславливает и изменение его ценностных критериев. Так, одним из наиболее ценных критериев правосудия, как и любой другой государственной услуги, стала экономическая эффективность, то есть соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами. Борьба за эффективность судопроизводства как формы предоставления государственной услуги

¹ URL: <https://rg.ru/2019/03/20/chajka-predlozhi-otkazatsia-ot-sudov-v-osobom-poriadke-za-tiazhkie-prestupleniia.html>

явилась причиной того, что упрощённые процедуры уголовного судопроизводства стали важным инструментом в руках стороны обвинения и судейского сообщества. Именно особый порядок «делает» статистику органам следствия, прокуратуры и суда, не увеличивая при этом нагрузку на каждого конкретного правоприменителя. Однако за всей этой «полезностью» правосудие утратило свои истинные ценностные свойства: законность, объективность и справедливость.

В марте текущего года в своем выступлении на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ Президент РФ В.В. Путин заявил о том, что рассмотрение уголовных дел в особом порядке «важный, конечно, инструмент, но он не должен служить прикрытием некачественной, некомпетентной работы в сфере следствия»² и потребовал «ответственно относиться к согласию на рассмотрение в судах уголовных дел в особом порядке. Если есть сомнения в доказанности обвинения в добровольности и осознанности заявления обвиняемым такого ходатайства, нужно требовать рассмотрения дела в обычном порядке»³. В ответ на указанное заявление Генеральным Прокурором РФ Ю.Я. Чайкой было сделано предложение о необходимости сокращения удельного веса уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, посредством закрепления в законе возможности рассматривать в особом порядке дела только о преступлениях небольшой и средней тяжести.

11 апреля 2019 г. Верховный Суд Российской Федерации вышел с законодательной инициативой о внесении изменений в ст. 314 и 316 действующего уголовно-процессуального закона в целях исключения возможности применения особого порядка рассмотрения уголовных дел в порядке гл. 40 УПК РФ по преступлениям, отнесённым законодателем к категории тяжких. Согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» необходимость изменения законодательства в этой части обусловлена потребностью создания на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий и справедливого правосудия по преступлениям, которые затрагивают интересы значительного числа потерпевших и вызывают большой общественный резонанс. Кроме того, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, новая редакция указанных в проекте статей устраним неточность, связанную с отражением в действующей норме момента получения согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего на особый порядок судопроизводства, а также закрепит в законе возможность прекращать производство по уголовному делу, рассматриваемому по правилам гл. 40 УПК РФ по основаниям, предусмотренным ст. 239 УПК РФ, а также ст. 25.1 и 28.1 УПК РФ.

Ранее Верховный Суд РФ уже выходил с аналогичным проектом, однако не получил на него положительного отзыва Правительства Российской Федерации. По мнению Правительства РФ, законопроект умаляет права обвиняемого в части возможного применения к нему льготного размера наказания и ограничивает права и интересы стороны обвинения в части возможности не согласиться с ходатайством обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке, в связи с чем на указанный законопроект Правительством РФ был дан отрицательный отзыв.

Казалось бы, долговременная и обоснованная критика упрощённых процедур уголовного судопроизводства услышана высшей судебной инстанцией, которая обобщила судебную практику последних лет по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке, и пришла к выводу о необходимости внесения в него соответствующих изменений. Безусловно, реформой процессуального законодательства в части рассмотрения уголовных дел по правилам упрощённых процедур такое предложение назвать трудно, но сама тенденция на осознание негативного воздействия упрощённых процедур уголовного судопроизводства на правосудие в Российской Федерации и необходимости его изменения уже очевидна.

При этом, анализируя доводы Верховного Суда, изложенные в тексте пояснительной записки к проекту закона, можно прийти к выводу об их неоднозначности, а о предложенных в проекте закона нормах, что они не направлены на эффективную защиту прав и законных интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, а также лиц, потерпевших от преступлений. Как справедливо отмечено в Официальном отзыве Правительства Российской Федерации на аналогичный законопроект Верховного Суда РФ в части исключения возможности применения особого порядка по уголовным делам о тяжких преступлениях, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы, ч. 2 ст. 55 Консти-

² Там же.

³ URL: <https://zona.media/news/2019/03/19/sk-putin>

туции РФ не допускает издания законов, отменяющих или умаляющих права человека, в данном случае – права обвиняемого на льготный вид и размер наказания при согласии его с предъявленным обвинением. Действительно, такое изменение положений ст. 314 УПК РФ неизбежно повлечёт за собой ухудшение положения лиц, подвергающихся уголовному преследованию, в части назначения им наказания. Однако не стоит забывать и о том, что при наличии существенно заниженных требований к содержанию уголовного дела, рассматриваемому в особом порядке, с учётом отсутствия классической процедуры расследования уголовного дела (гл. 32.1 УПК РФ) обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов обвиняемого невозможно. В первую очередь это касается права на справедливое правосудие. При этом необходимо отметить, что, согласно ст. 49 Конституции РФ, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, что само по себе идет вразрез с сутью особого порядка судебного разбирательства, в соответствии с которой он представляет собой поиск компромиссного решения в рамках санкции соответствующей статьи уголовного закона и не направлен на установление наличия либо отсутствия у подсудимого вины и эффективную защиту прав потерпевших, которые закреплены в ст. 6 УПК РФ.

Между тем споры относительно плюсов и минусов упрощённых процедур уголовного судопроизводства, а также необходимости их реформирования не утихают и в самом судебском сообществе. Так, судьёй Красноперкопского районного суда г. Ярославля А.В. Курапиным 07.10.2019 г. по уголовному делу № 1-154/2019 в адрес Генерального Прокурора РФ вынесено частное постановление о необходимости прекращения беспричинного препятствования прокуроров особому порядку рассмотрения уголовных дел, предусмотренному гл. 40 УПК РФ⁴. Причиной вынесения частного постановления (согласно его тексту) послужило несогласие государственного обвинителя с ходатайством обвиняемых о рассмотрении уголовного дела в отношении них по правилам гл. 40 УПК РФ. Как указано в тексте Постановления, «беспричинное препятствование особому порядку рассмотрения уголовных дел существенно нарушает права и законные интересы подсудимых, потерпевших и других участников, т.к. это вынуждает их безосновательно, на продолжительное время отвлекаться от привычных занятий для участия в бессмысленных судебных заседаниях, а подсудимые теряют право на предусмотренное законом снисхождение при назначении наказания за то, что они не затягивают рассмотрение дел». При этом необходимо отметить, что уголовное дело, в рамках которого было вынесено цитируемое частное постановление, рассматривалось по факту совершения подсудимыми тяжкого умышленного преступления, за которое предусмотрена уголовная ответственность по ч. 3 ст. 291 УК РФ – до восьми лет лишения свободы. Далее в тексте частного постановления указано, что результатом этой кампании (по отказу государственных обвинителей от рассмотрения дела в особом порядке) является вред как для деятельности судов, вынужденных выполнять бессмысленную дополнительную трудоёмкую работу, так и для деятельности прокуратуры, поскольку создаются искусственные предпосылки для вражды между работниками судов и прокуратуры, и для принятия судьями ответных мер негативного для прокуратуры характера, которые могут существенно затруднить работу самой прокуратуры и направлены на развал судебной системы. В своём постановлении А.В. Курапин опровергает концепцию более качественного и полного рассмотрения уголовного дела в общем порядке, а также наличия в нём дополнительных гарантий того, что невиновный подсудимый не понесёт уголовного наказания, и указывает на её несостоятельность. В частности, в постановлении указано, что «ни один невиновный никогда не согласится на рассмотрение дела в особом порядке, т. к. для применения особого порядка подсудимый должен полностью признать свою вину в суде и добровольно заявить в суде о полном согласии с предъявленным обвинением».

Такая позиция правоприменителя с точки зрения уменьшения объёма его работы логична и понятна, однако насколько она соотносится с целями и задачами уголовного судопроизводства в целом? Скорее всего, не соотносится совсем. В свою очередь её обоснование с точки зрения обеспечения права подсудимого на защиту, вообще, вызывает недоумение.

Безусловно, такое частное постановление можно расценивать как индивидуальное мнение конкретного правоприменителя. Однако его уникальность обусловлена лишь процессуальным оформлением. Правосудие является составной частью судопроизводства и обладает высокими моральными и

⁴ Указанное частное постановление в настоящее время отменено.

этическими критериями. Естественное желание уменьшить объём нагрузки (количества дел, подлежащих рассмотрению, и сроков такого рассмотрения) способствует изменению ценностных ориентиров правоприменителя. Оно смещается с правосудия как высшей формы правоприменения, включающей в себя необходимые моральные и этические нормы и принципы, в сторону судопроизводства, которое с содержательной точки зрения становится формальной административной процедурой по определению меры воздействия (вида и размера наказания).

Обобщая все вышеизложенное, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время в юридическом сообществе имеются разные подходы к упрощённым процедурам в уголовном судопроизводстве, из которых можно выделить следующие:

1) необходимо исключить из УПК РФ возможность рассмотрения уголовных дел в особом порядке по тяжким преступлениям, поскольку это обеспечит наиболее эффективную защиту прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование;

2) не вносить изменения в УПК РФ, направленные на сокращение возможностей применения упрощённых процедур судопроизводства, поскольку это ущемит права и законные интересы лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, а также будет препятствовать эффективному судопроизводству.

Оба подхода имеют своё логическое обоснование, но не решают главной задачи – найти разумное соотношение между назначением уголовного судопроизводства и его экономической эффективностью.

Действительно, ч. 2 ст. 55 Конституции РФ не допускает принятие в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина. Исключение составляет ограничение прав и свобод в целях обеспечения защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 указанной статьи). Однако умаление процессуальных прав обвиняемого по уголовному делу, обеспечивающее последнему льготный размер наказания и не обусловленное перечисленными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ обстоятельствами, не допустимо. Изменение процедуры судопроизводства в отношении какой-либо категории преступлений не может быть обусловлено задачей обеспечения основ конституционного строя и безопасности государства, поскольку они не находятся между собой в функциональной зависимости.

Право на постановление в отношении себя справедливого и обоснованного приговора имеет каждое лицо, подвергающееся уголовному преследованию. В случае установления вины подсудимого в совершении вменяемого ему преступления перед судом встаёт вопрос о мере наказания за его совершение. Мера наказания зависит не только от обстоятельств совершённого преступления и личности лица, его совершившего, но и от его конструктивного поведения в ходе дознания либо предварительного следствия и в суде. Если лицо действительно способствовало его раскрытию, осуществляло действия, направленные на помощь в работе органам следствия и дознания, оно должно иметь право на применение к нему мер поощрительного характера, которые могут выражаться в назначении ему льготного вида и размера наказания за совершённое преступление либо в назначении ему судебного штрафа. Между тем указанное право не должно противопоставляться праву на защиту в части недопустимости осуждения лица, не совершавшего указанного преступления. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, как и любой другой нормативно-правовой акт, устанавливающий определённые процедуры, в том числе, обеспеченные формой государственного принуждения, рассчитан на его идеальное правоприменение всеми его субъектами. К сожалению, такое встречается не всегда. Как известно, процедура раскрытия преступления, установления лиц, к нему причастных, привлечения их к уголовной ответственности и назначения им справедливого наказания представляет собой сложную, многоступенчатую процедуру, состоящую из множества этапов, за успешную и законную реализацию которых отвечают не только разные должностные лица, но и разные органы государственной власти Российской Федерации. В процессе формирования уголовного дела оно может пройти от органов МВД, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, через подразделения Следственного комитета, осуществляющие предварительное следствие, в территориальный орган прокуратуры, а затем поступить в суд. На каждом этапе с подозреваемым/обвиняемым работают различные должностные лица с разным объёмом процессуальных прав и обязанностей. Все ли из них действуют строго в рамках, установленных законом, как правило, неизвестно. При этом в отдельную группу необходимо выделить тех подозреваемых/обвиняемых, которые содержатся под стражей, поскольку это обстоятельство оказывает порой определяющее влияние на форму их процессуального

поведения, а фактическая «свобода» может стать предметом торга со стороны должностных лиц в обмен на необходимую для органов предварительного следствия правовую позицию таких подозреваемых / обвиняемых. Кроме того, у любого подозреваемого/обвиняемого имеются свои цели и мотивы, в рамках которых он строит свое процессуальное поведение, и, как правило, они не связаны с желанием быстрого применения к нему мер репрессивного воздействия. Такое процессуальное поведение может быть обусловлено желанием скрыть другое, более тяжкое преступление, обезопасить близкого человека и др. В осенне-зимний период лица без определённого места жительства готовы порой сознаться и «в убийстве Кеннеди», чтобы получить крышу над головой, медицинское обслуживание и трёхразовое питание в колонии или следственной изоляторе, не желая жить на улице в суровых климатических условиях. Итогом такой «кооперации» между правоохранительными органами и желающими попасть в условия принудительного содержания становится применение в отношении них особого порядка рассмотрения уголовного дела (гл. 40 и 40.1 УПК РФ) и невозможность суда в силу отсутствия набора процессуальных инструментов для проверки качества работы органов следствия и дознания, всех обстоятельств причастности подсудимого к совершённом преступлению с соблюдением прав последнего на гарантированную ему законодателем льготу при назначении наказания. Проще говоря, судья в настоящее время, несмотря на ч. 6 ст. 316 УПК РФ, не может перейти в общий порядок судебного разбирательства, если придёт к выводу о том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, необоснованно и собранными по делу доказательствами не подтверждается, поскольку такой переход отменяет процессуальную гарантию подсудимого, выполнившего со своей стороны все необходимые условия двустороннего «соглашения» о применении к нему льготы при назначении наказания. Следовательно, вынесение судьёй по собственной инициативе постановление о прекращении рассмотрения дела в особом порядке и назначении его к рассмотрению в порядке общем существенно умаляет право подсудимого на защиту, а именно, на льготу при назначении ему наказания⁵. В связи с чем судья оказывается в процессуальной ловушке, которая, с одной стороны, предписывает ему, согласно контексту ст. 6 УПК РФ, реабилитировать каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, а с другой стороны, не позволяет провести для этого предусмотренные законом процессуальные действия, поскольку, если вина подсудимого всё-таки будет установлена, формально он будет лишён льготы, положенной ему при назначении наказания. Безусловно, на наш взгляд, недопустимо умалять право подсудимого на защиту. Между тем в равной степени не допустимо и отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве механизма перехода из особого порядка судебного разбирательства в общий в целях проверки обоснованности предъявленного обвинения, мотивов и целей обвиняемого при его согласии с ним, в случае возникновения у судьи обоснованных сомнений в событии преступления либо причастности обвиняемого к совершённом преступлению. При этом главным условием для указанного перехода должно являться именно неукоснительное соблюдение прав и законных интересов подсудимых, в частности, права на защиту, в которое входит и право на тот вид и размер наказания, на который может рассчитывать обвиняемый при выполнении им условий, предусмотренных ч. 2 ст. 314 УПК РФ.

Эту проблему решить можно и нужно, но отнюдь не за счёт процессуальных прав подсудимых. Полагаем, что в гл. 40 УПК РФ необходимо включить статью, описывающую и регулирующую механизм (технологии) изменения порядка судебного разбирательства по инициативе суда. При этом указанная статья в обязательном порядке должна включать в себя пункт о правиле назначения подсудимому наказания, соразмерного его процессуальному поведению на досудебном производстве. Законодатель должен обеспечить подсудимому право, в случае принятия судом по собственной инициативе решения об изменении порядка судопроизводства в целях самостоятельной проверки обстоятельств дела путём применения процессуальных инструментов, предусмотренных гл. 37 УПК РФ, по результатам которого всё же будет установлена причастность подсудимого к совершённом преступлению, на назначение ему наказания по правилам гл. 40 УПК РФ.

Полагаем, что прямой запрет на рассмотрение уголовных дел по тяжким преступлениям в особом порядке не только прямо противоречит основному закону страны и не обеспечит в должной мере защи-

⁵ При написании настоящей статьи мы намеренно не затрагиваем вопросы разумности сроков уголовного судопроизводства и их соотношения с правами подсудимого в контексте двух порядков судопроизводства, поскольку это не является предметом её рассмотрения.

ту прав подсудимых, но и вызовет негативную реакцию самих правоприменителей, отчасти обоснованную, поскольку существенная доля преступлений, рассматриваемых по правилам гл. 40 УПК РФ, совершается с особой очевидностью. Тогда как закреплённый в законе механизм для применения усмотрительной деятельности суда в части изменения порядка производства по уголовному делу с гарантированным обеспечением прав подсудимых, в отношении которых указанный порядок был изменён без их на то согласие, на применение к ним правила назначения наказания, предусмотренного ч. 7 ст. 316 УПК РФ, позволит подходить к проверке таких дел индивидуально и наиболее эффективно.

Относительно мнения о том, что запрет (препятствование) применению судом особого порядка судопроизводства по уголовным делам препятствует эффективному судопроизводству, полагаем следующее.

Правосудие представляет собой служение – высшую форму юридической деятельности правоприменителя, которая в свою очередь налагает на него определённые запреты, права и обязанности. При рассмотрении вопросов правосудия как вида процессуальной государственной деятельности её невозможно измерять только экономическими показателями, поскольку к указанному виду деятельности не применимы «допущения» и сугубо затратный подход. Всё более частое рассмотрение правосудия как вида государственной услуги, которую среди прочих необходимо максимально оптимизировать, снижает правосознание судей, их понимание сущности и назначения уголовного судопроизводства, а также уникальный статус, которое занимает правосудие среди других форм государственной деятельности. Его эффективность измеряется не столько соотношением времени, потраченного на рассмотрение дела, и использованных при этом трудовых ресурсов, а количеством выявленных судебных ошибок. Его эффективность заключается в максимальном соответствии результата уголовного судопроизводства его назначению с учётом выбора оптимальной процедуры судопроизводства.

Понимание эффективности правосудия через формальное отношение к своим обязанностям и превращение его в процесс администрирования с постановкой задачи выполнения плана по количеству рассмотренных уголовных дел за отчётный период является бичём судебной системы Российской Федерации. Особый порядок судопроизводства по уголовным делам является в данном случае уникальным инструментом в руках судебной системы, поскольку существенно сужает пределы обжалования постановленного приговора осужденным либо его защитником, чем препятствует выявлению судебных ошибок. Такая конструкция особого порядка судебного разбирательства обеспечивает правоприменителю высокие статистические показатели и гарантирует ему защиту от возможного пересмотра постановленного им приговора в апелляционном порядке в силу положений ст. 317 УПК РФ. Ещё одним качественным признаком особого порядка рассмотрения уголовных дел является его сокращённый срок. Скорость, с которой можно рассматривать уголовные дела в порядке гл. 40 и 40.1 УПК РФ, способствует возможности пропорционального увеличения рассмотрения количества дел в определённый период.

Таким образом, особый порядок рассмотрения уголовных дел в силу своих процессуальных особенностей, весьма выгодных для правоприменителей, стал не исключением из общего правила рассмотрения уголовных дел, как это планировалось на этапе введения таких процедур в действующее уголовно-процессуальное законодательство, а самым часто применяемым на практике. На наш взгляд, это обусловлено следующими факторами:

- 1) экономической эффективностью порядка;
- 2) обеспечением положительной статистики правоприменителю;
- 3) низким уровнем эмоционального интеллекта правоприменителя и его правосознания.

Если с первыми двумя составляющими всё более или менее понятно, то вопрос уровня эмоционального интеллекта и правосознания при исследовании процедур уголовного судопроизводства на первый взгляд не имеет прикладного значения. Однако на самом деле это не так. Именно уровень эмоционального интеллекта позволяет судье осознать высокую роль и назначение правосудия. Казалось бы, что судьями назначают именно таких представителей юридического сообщества, наиболее грамотных и с безупречной репутацией, но и с высоким уровнем правосознания и этики. Между тем в связи с большим объемом рассматриваемых дел и тяжёлой эмоциональной нагрузкой у правоприменителя происходит эмоциональное выгорание и замещение правосознания административной целесообразностью. Тогда экономии подлежит не только время и трудовые ресурсы, но и все чувства. Притупляется реакция правоприменителя на внешние факторы. Исчезает потребность в устранении возникающих сомнений, затем исчезают сами сомнения. Это состояние препятствует осуществлению правосудия в целом. Так, обращаясь к приведённому выше частному постановлению судьи А.В. Курапина от 07.10.2019 г. в

адрес Генерального Прокурора РФ Ю.Я. Чайки следует обратить внимание на следующую цитату: «...У судей же в результате выполнения бессмысленной, никому не нужной дополнительной работы (*речь идёт о рассмотрении уголовных дел в общем порядке* (выделено мной. – М.Н.)) при общеизвестной большой нагрузке просто пропадает желание работать, в результате вышеуказанные действия прокуроров (*о несогласии с рассмотрением дела в особом порядке*), по сути, направлены на развал судебной системы РФ. Мириться с этим не представляется возможным». Увеличение нагрузки на суд в виде необходимости изменения порядка рассмотрения уголовного дела по инициативе прокурора воспринимается в указанном постановлении как obligation суд выполнять «бессмысленную дополнительную трудоёмкую работу...», создаются искусственные предпосылки для вражды между работниками судов и прокуратуры». Фактически это означает неспособность конкретного правоприменителя работать в условиях открытого, и главное, состязательного процесса с предоставлением сторонам по делу всего объёма процессуальных прав, предусмотренных гл. 37 УПК РФ. Однако эта проблема уже выходит за пределы процессуального законодательства и переходит в плоскость проблем этики и психологии. Так, в науке психологии существует мнение о том, что люди с высшим образованием и высоким уровнем благосостояния, к которым, в том числе, относятся и судьи, проявляют существенно меньшую эмпатию к окружающим, поскольку они менее зависят от них. Эмпатия – это не только сопереживание, как принято считать, но и способность мыслить, ставить себя на место другого человека, проецировать возможное поведение, искать объяснение поступкам окружающих, оценивать этические риски, распознавать и устранять эмоциональные последствия этических решений.

В действующей сегодня в России судебной системе, осуществляющей правосудие в области уголовного судопроизводства, привычным стало использование упрощённых процедур, она не готова принять новые условия рассмотрения уголовных дел по тяжким преступлениям в той форме, в которой это предлагает сделать Верховный Суд Российской Федерации. На наш взгляд, предложенная высшей судебной инстанцией формулировка изменений УПК РФ в этой части не оправдана ни с точки зрения соответствия её Конституции РФ, ни с точки зрения принудительного увеличения объёма нагрузки на правоприменителя. Полагаем, что законодателю для улучшения качества и эффективности правосудия необходимо идти не репрессивным путём, а путём предоставления суду расширения возможности осуществления процессуальных действий в рамках собственного усмотрения с одновременной подробной проработкой механизмов реализации данной усмотрительной деятельности на предмет её жёсткого соответствия основным правам подсудимых по уголовным делам. Кроме того, считаем, что Верховному Суду РФ необходимо проводить разъяснительную работу, направленную на осознание судами первичного звена, что особый порядок судебного разбирательства является исключением из общего правила (порядка) судопроизводства по уголовным делам, что само по себе не предполагает такого значительного удельного веса уголовных дел, рассмотренных в порядке упрощённых процедур по отношению к общему порядку судебного разбирательства. С учётом уже имеющихся и закреплённых в УПК РФ упрощённых процедур судопроизводства, даже частичная их отмена повлечёт неизбежное умаление прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Переход в общий порядок судебного разбирательства, в том числе и по уголовным делам о тяжких преступлениях, должен являться осознанным правом суда, реализуемым им с учётом соблюдения права на защиту в целях проверки обоснованности предъявленного обвинения и проверки качества работы органов предварительного следствия с сохранением подсудимому гарантий, предоставленных ему гл. 40 УПК РФ. При наличии такой возможности любой судья, в чьём производстве находится громкое и резонансное дело, при отсутствии очевидности по нему будет лично заинтересован рассмотреть по правилам гл. 37 УПК РФ в общем порядке при проведении полного судебного следствия по нему. Но даже такая конструкция нормы права может столкнуться с нежеланием правоприменителя обременять себя дополнительным объёмом работы. Однако от нежелания правоприменителя профессионально и качественно исполнять свои обязанности не спасёт даже идеально написанный закон.

Поступила в редакцию 22.09.2019

*N.O. Mashinnikova***DISCUSSION ISSUES OF THE LEGISLATIVE INITIATIVE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION REGARDING AMENDMENTS TO ARTICLES 314 AND 316 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-6-877-884

In this article the author considers the simplified procedures of judicial proceedings from the point of view of their compliance with the basic principles of criminal proceedings, enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The article concludes that the race for the economic efficiency of any state process affected the proceedings as well. This was the reason that justice, as a service, was reborn in the state service of justice, which in turn led to a decrease in its quality, which according to the author is expressed not so much in the absence of "cancellations" as in its non-compliance with the principles and purpose enshrined in the criminal procedure code. The author welcomes the initiative of the Plenum of the Supreme Court about the need to adopt measures to decrease the absolute number of criminal cases dealt with in simplified procedures, however, did not agree with the solution proposed by the Supreme Court of the Russian Federation. In author's opinion, the amendments proposed by the Supreme Court of the Russian Federation violate the rights of the accused to defense and contradict Article 55 of the Constitution of the Russian Federation. The author presents her own proposal to change the code of criminal procedure in this part with bringing the necessary justification to that.

Keywords: special procedure of criminal proceedings, General procedure, discretion, simplified procedures, right to defense, serious crimes, efficiency of justice.

Received 22.09.2019

Mashinnikova N.O., postgraduate student
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: n-alico@mail.ru